

«Чёрная сотня сгинула в подполье»: русские правые и революция 1917 г.

Андрей Иванов

«The Black Hundred vanished to the underground»: the Russian right-wing and the revolution of 1917

Andrey Ivanov (Saint Petersburg State University, Institute of History, Russia)

За последнюю четверть века о черносотенцах и представителях других консервативных сил написано не менее двух десятков монографий, а число статей, пожалуй, исчисляется уже не одной сотней¹. Однако подавляющее большинство этих исследований освещают период становления, развития и кризиса правых партий и союзов до начала Первой мировой войны², либо до крушения самодержавия³. Об их судьбе в революционном 1917 г.⁴ если и говорится, то гораздо более скупо, что вполне объяснимо: весной—осенью дискредитированные, разрозненные и потерявшие всякое влияние в обществе правомонархические организации быстро сгинули в водовороте трагических событий, не сумев, за редким исключением, сыграть в них сколько-нибудь заметной роли. В результате в историографии раскрыты лишь отдельные сюжеты, связанные с гибелью правого движения в 1917 г.⁵

© 2017 г. А.А. Иванов

¹ Подробнее см.: *Кириянов Ю.И.* Обзор литературы о правых партиях и организациях в России в 1905–1917 гг. // Правые партии. Документы и материалы. В 2 т. Т. 2. М., 1998; *Фоменков А.А.* Отечественная историография черносотенного движения в России // Дискуссионные вопросы российской истории: Материалы IV межвузовской научно-практической конференции. Арзамас, 2000; *Репников А.В.* Проблемы историографии правомонархического движения в России // Российские университеты в XVIII–XX веках. Вып. 7. Воронеж, 2004; *Богоявленский Д.Д.* Современная отечественная историография правомонархического движения в России // Задавая вопросы прошлому... М., 2006; *Карлухин Д.В.* «Чёрная сотня»: Вехи осмысления в России. М., 2009; и др.

² *Степанов С.А.* Чёрная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; *Омельяничук И.В.* Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2006.

³ *Тарасов О.А.* Политическая деятельность национал-монархических партий и организаций России в годы Первой мировой войны (1914 – февраль 1917 гг.). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997; *Кириянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001; *Репников А.В.* Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX – начало XX веков). М., 2006; *Иванов А.А.* Правые в русском парламенте: от кризиса к краху (1914–1917). М.; СПб., 2013.

⁴ *Степанов С.А.* Чёрная сотня. Изд. 2. М., 2005; *Степанов С.А.* Чёрная сотня. Что они сделали для величия России? М., 2013; *Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007; *Репников А.В.* Консервативные модели российской государственности. М., 2014.

⁵ *Колоницкий Б.И.* Правозэкстремистские силы в марте–октябре 1917 г. (на материалах петроградской печати) // Национальная правая прежде и теперь. Ч. 1: Россия и русское зарубежье. СПб., 1992; *Чхартушвили П.Ш.* Черносотенцы в 1917 г. // Вопросы истории. 1997. № 8. С. 133–143; *Кириянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г.: причины кризиса и краха // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1997. С. 79–94; *Михайлова Е.М.* Правые партии в дискурсе двух революций: победа в 1905 г. и поражение в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2009. С. 84–90; *Иванов А.А., Стогов Д.И.* Черносотенцы и большевики: правый взгляд на триумфаторов Октября // Там же. С. 90–98; *Михайлова Е.М.* «Не Дума нужна, а диктатура, Государь»: Астраханская

Между тем анализ поведения черносотенцев после победы революции и их отношения к ней позволяет лучше понять особенности политической эволюции правых партий в России. К февралю 1917 г. они подошли в состоянии полного разброда и глубокого уныния, дискредитированные, раздираемые расколами и внутренней борьбой. Численность черносотенцев стремительно падала, практическая деятельность большинства отделов их партий за время Первой мировой войны замерла, многие из них прекратили своё существование. Растеряв за время Первой мировой войны остатки бывшего влияния и поддержку широких масс, осознавая свою обречённость⁶, Союз русского народа (СРН), Всероссийский Дубровинский союз русского народа, Русский народный союз им. Михаила Архангела (РНСМА), Отечественный патриотический союз, с некоторыми оговорками Всероссийский национальный союз и др. уже были не в силах противостоять революционным выступлениям в условиях нарастающей радикализации общества (в том числе и той его части, в которой ранее преобладали консервативные настроения).

Им оставалось только упорно твердить о катастрофических последствиях надвигающейся бури. Уже в эмиграции один из кадетских лидеров В.А. Маклаков признал, что «в своих предсказаниях правые оказались пророками»: «Они предсказали, что либералы у власти будут лишь предтечами революции, сдадут ей свои позиции. Это был главный аргумент, почему они так упорно боролись против либерализма. И их предсказания подтвердились во всех мелочах: либералы получили из рук Государя его отречение, приняли от него назначение быть новой властью и менее чем через 24 часа сдали эту власть революции, убедили Михаила отречься, предпочли быть революционным, а не назначенным Государем правительством. Правые не ошиблись и в том, что революционеры у власти не будут похожи на тех идеалистов, которыми их по традиции изображали русские либералы»⁷.

Как известно, ещё в феврале 1914 г. лидер правой группы Государственного совета П.Н. Дурново, пытаясь предотвратить втягивание России в вооружённый конфликт с Германией, предупреждал, что в случае более чем вероятных военных поражений, «все неудачи будут приписаны правительству». Затем «в законодательных учреждениях начнётся яростная кампания против него, как результат которой в стране начнутся революционные выступления. Эти последние сразу же выдвинут социалистические лозунги, единственные, которые могут поднять и сгруппировать широкие слои населения, сначала чёрный передел, а затем и общий раздел всех ценностей и имуществ. Победённая армия, лишившаяся, к тому же, за время войны наиболее надёжного кадрового своего состава, охваченная в большей части стихийно общим крестьянским стремлением к земле, окажется слишком деморализованной, чтобы послужить оплотом законности и порядка. Законодательные учреждения и лишённые действительного авторитета в глазах народа оппозиционно-интеллигентные партии будут

народно-монархическая партия накануне и в 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2010. С. 17–24; *Стогов Д.И.* Дело о «монархическом контрреволюционном заговоре» в контексте июльского политического кризиса 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2012. С. 73–82; и др.

⁶ См.: *Иванов А.А.* Консервативные партии // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / Под ред. Ю.А. Петрова. М., 2014. С. 519–559.

⁷ Цит. по: Двуглавый орёл (Париж). 1929. № 34. 30 ноября (13 декабря). С. 27.

не в силах сдержатъ расходившіеся народныя волны, ими же поднятыя, и Россія будетъ ввергнута въ беспросветную анархію, исходъ которой не поддаётся даже предвиденію»⁸. О томъ, что война съ Германіей послужитъ катализаторомъ революціи, после чего «государства все могутъ развалиться, а на месте ихъ явятся Аттилы, имя которымъ социал-демократы», говорилъ и председатель Главнаго совета СРН, одинъ изъ лидеровъ правыхъ въ Государственной думѣ Н.Е. Марков⁹.

Летомъ 1915 г., когда либеральная оппозиція объединилась въ Прогрессивный блокъ и отъ «патриотической тревоги» стала переходить къ «осаде власти», членъ думской фракціи правыхъ В.Н. Снежковъ обратился къ депутатамъ съ открытымъ письмомъ, указывая, что вырванные у царя «радикальныя реформы, вплоть до отмены Основныхъ законовъ», — лишь начало пути, въ концѣ котораго — «внутренняя междоусобица, забастовки, баррикады и прочіе прелести, и несомненный результатъ всего этого — принятіе самыхъ позорныхъ условий мира, сдача Россіи торжествующему врагу, неслыханное предательство по отношенію къ доблестной Бельгіи, Франціи, Англіи и Италии, бесплодныя жертвы — потоки крови, миллионы убитыхъ и искалеченныхъ людей, разрушенные города и сѣла, разорѣнное населеніе, проклятія всего мира»¹⁰.

О революціонной угрозе не разъ говорилось на совѣщаніяхъ правыхъ, состоявшихся въ 1915 г. въ Петроградѣ и Нижнемъ Новгородѣ¹¹, а на страницахъ «Россійскаго гражданина» известный публицистъ, членъ СРН П.Ф. Булацель сравнилъ происходящее въ Россіи съ событіями французской революціи конца XVIII в. «Если правительство, — писалъ онъ въ ноябрѣ 1916 г., — будетъ продолжать идти по следамъ французскихъ жирондистовъ, унижаясь и заискивая передъ Думскимъ блокомъ, то мы доживѣмъ и до того, что “блокистовъ” сметутъ болѣе искренніе и болѣе смѣлые Керенскіе, Чхеидзе, Сухановы и К°... Уступками и самоуничижениемъ правительство лишь облегчаетъ наступленіе катастрофы»¹². Какъ пессимистично констатировалъ Булацель, «всѣ, что теперь совершается въ Россіи, сеетъ семена близкой бури»¹³. Причѣмъ «если все эти ужасы могли имѣть мѣсто въ богатой, просвѣщенной Франціи, гдѣ сама природа, тучная почва и мягкій климатъ располагаютъ къ добродушію и весѣлости, то какіе чудовищныя формы анархіи могутъ принять политическія потрясенія въ странѣ снеговъ, бездорожья, голодовокъ и “ханжи”»¹⁴. «Вы съ думской кафедры призываете безнаказанно къ революціи, — воскликнулъ публицистъ, споря съ участниками начавшагося въ концѣ 1916 г. “штурма власти”, — но вы не предвидите, что ужасы французской революціи поблѣднеютъ передъ ужасами той революціи, которую вы хотите создать въ Россіи, пользуясь нерешительностью теперешняго правительства. Вы готовите могилу не только “старому режиму”, но бессознательно вы готовите могилы себѣ и миллионамъ ни въ чѣмъ неповиннымъ гражданамъ. Вы создадите такіе погромы,

⁸ Записка П.Н. Дурново / Публ. А.А. Иванова и Б.С. Котова // Свет и тени Великой войны / Сост. А.В. Репников, Е.Н. Рудая, А.А. Иванов. М., 2014. С. 72. Об обстоятельствахъ ея появленія см.: *Ивановъ А.А., Котовъ Б.С.* «Предвиденіе необычайной силы»: о «пророческой» запискѣ П.Н. Дурново // Там же. С. 51–57.

⁹ Цит. по: *Богоявленскій Д.Д.* Проблема лидерства въ Союзѣ русскаго народа. М., 2012. С. 177.

¹⁰ РГИА, ф. 1090, оп. 1, д. 162, л. 1 об.

¹¹ Совѣщаніе монархистовъ 21–23 ноября 1915 года въ Петроградѣ. Постановленія и краткій отчетъ. М., 1915; Труды Всероссійскаго Монархическаго совѣщанія въ г. Н. Новгородѣ уполномоченныхъ правыхъ организацій съ 26 по 29 ноября 1915 г. Пг., 1916.

¹² Россійскій гражданинъ. 1916. № 42. С. 16.

¹³ Там же. № 7. С. 16.

¹⁴ Там же. № 8. С. 15.

такие варфоломеевские ночи, от которых содрогнутся даже “одержимые революционной манией» демагоги бунта социал-демократии и трудовиков!»¹⁵.

К началу 1917 г. у правых уже практически не оставалось сомнений в том, что Россия стоит на пороге революции. Менее чем за месяц до февральских событий Марков заявлял: «Мы не можем молчать, когда забывшие присягу сановники, попавшие милостью царской в Государственный совет, крамольные бояре на дворянском съезде и жаждущие дорваться до власти депутаты Государственной думы, бесчестно надеясь на свою безнаказанность, замышляют революционные акты»¹⁶. Жандармский генерал А.И. Спиридович в февральские дни 1917 г., находясь в гостях, слышал слова одного из правых думцев, «боевого монархиста, любившего Государя»: «Идём к развязке, все порицают Государя. Люди, носящие придворные мундиры, призывают к революции... И если что случится, вы увидите, что Государя никто не поддержит, за него никто не вступится»¹⁷.

В этих условиях, пытаясь что-то предпринять, члены кружка А.А. Римского-Корсакова в ноябре 1916 г. составили и передали императору «Записку»¹⁸, в которой констатировалось, что Государственная дума при поддержке ряда общественных организаций бесповоротно вступила на революционный путь и готовит государственный переворот. Для того же, чтобы предотвратить его и спасти монархию, предлагалось назначить на высшие государственные и командные посты верных самодержавию, близких по взглядам и энергичных деятелей, способных бороться «с наступающим мятежом и анархией», немедленно распустить Думу без указания срока нового её созыва, но с упоминанием о предстоящем «коренном изменении» порядка формирования и деятельности законодательных учреждений, ввести военное положение в Петрограде и Москве, сосредоточив в столицах надёжные войска, вооружённые пулемётами, закрыть все органы левой печати, одновременно усилив правые газеты, провести милитаризацию всех предприятий, работающих на оборону, подчинив их работников законам военного времени, направить правительственных комиссаров во все главные и местные комитеты союзов земств и городов; предоставить генерал-губернаторам и губернаторам право отстранять от должности «чинов всех рангов и ведомств», проявивших сочувствие или слабость к антиправительственным выступлениям; прекратить назначение в Государственный совет сторонников Прогрессивного блока и проч.¹⁹

По свидетельству Н.А. Маклакова, автором записки являлся член Главного совета СРН М.Я. Говорухо-Отрок. Несколько позже, 8 января 1917 г., Маклаков передал императору вторую «Записку», полученную от того же Говорухо-Отрока, с подробным обоснованием необходимости роспуска Думы. Сложившееся положение признавалось в записке «нетерпимым» и постоянно ухудшающимся, а перед царём и правительством ставилась «трудно разрешимая задача: остановить ли решительными мерами поступательное движение России в сторону демократической республики, либо положиться на Волю Божию и спокойно ждать

¹⁵ Там же. № 46. С. 14.

¹⁶ Утро России. 1917. 9 февраля; Новое время. 1917. 10(23) февраля.

¹⁷ Спиридович А.И. Великая война и февральская революция (1914–1917). Минск, 2004. С. 500–501.

¹⁸ Подробнее см.: Стогов Д.И. Правомонархические салоны Петербурга–Петрограда (конец XIX – начало XX века). СПб., 2007. С. 217.

¹⁹ Записка, составленная в кружке Римского-Корсакова // Блок А. Последние дни Императорской власти / Сост. С.С. Лесневский, З.И. Перегудова. М., 2012. С. 81–83. См. также: Архив русской революции. Т. 5. Берлин, 1922. С. 337–338.

государственной катастрофы»²⁰. При этом какие-либо уступки кадетам и октябристам бессмысленны, поскольку они «столь слабы, столь разрозненны..., столь бездарны, что торжество их было бы столь кратковременно, сколь и непрочно»²¹. Впрочем, и «правые партии находятся в состоянии летаргии». Допустив роковую ошибку, они «сразу и бесповоротно не устранили себя от участия в осуществлении Манифеста 17 октября, основанного на началах, совершенно противоречащих их государственному самосознанию», а включились в парламентскую игру, в которой неизбежно должны были потерпеть поражение²². Напротив, у левых «есть идея, есть деньги и есть толпа, готовая и хорошо организованная»: «Эта толпа часто меняет свои политические устремления, с тем же увлечением поёт “Боже, царя храни”, как и орёт “Долой самодержавие”, но в ненависти к имущим классам, в завистливом порыве разделить чужое богатство, в так называемой классовой борьбе толпа эта крепка и постоянна; она вправе притом рассчитывать на сочувствие подавляющего большинства крестьянства, которое пойдёт за пролетарием тотчас же, как революционные вожди укажут им на чужую землю»²³. «Ярый защитник своей собственности и такой же консерватор в своем быту, русский мужик, — писал Говорухо-Отрок, — делается самым убеждённым социал-демократом с той минуты, когда дело коснётся чужого добра». Поэтому торжество либералов обернулось бы сперва «полным и окончательным разгромом партий правых», а затем постепенным ослаблением и исчезновением «партий промежуточных». Кадеты, «бессильные в борьбе с левыми и тотчас утратившие всё своё влияние, если бы вздумали идти против них, оказались бы вытесненными и разбитыми своими же друзьями слева», а «затем выступила бы революционная толпа, коммуна, гибель династии, погром имущественных классов и, наконец, мужик-разбойник»²⁴.

Избежать этого, по мнению Говорухо-Отрока, было невозможно без полного преобразования государственного строя — восстановления неограниченного самодержавия, изменения Основных законов и системы выборов в теперь уже только законосовещательную Думу, находящуюся под жёстким контролем правительства и т.п.²⁵

Ещё две записки сходного содержания были составлены Римским-Корсаковым и Говорухо-Отроком в середине января 1917 г.²⁶ В одной из них, переданной 15 января министру внутренних дел А.Д. Протопопову, конспективно резюмировались рекомендации крайне правых: введение в стране военной диктатуры, роспуск Думы, восстановление прав самодержца и соответствующий пересмотр Основных законов.

Пути выхода из политического кризиса искали не только в столице, но и в провинции. Так, лидер Астраханской народно-монархической партии Н.Н. Тиханович-Савицкий в конце августа 1916 г. разослал «Обращение ко всем монархическим союзам и деятелям». Отметив, что «большинство интеллигенции и наиболее самостоятельная часть торгово-промышленных классов, искусно направляемые партией ка-дэ, возглавляемые Государственной думой

²⁰ Объяснительная записка к пункту II предыдущей записки, составленной в кружке Римского-Корсакова // *Блок А.* Указ. соч. С. 84.

²¹ Там же. С. 84–86.

²² Там же. С. 86–87.

²³ Там же. С. 87.

²⁴ Там же. С. 88.

²⁵ Там же. С. 88–93.

²⁶ См.: *Стогов Д.И.* Правомонархические салоны... С. 220–225.

и поддерживаемые левой и еврейской печатью, подняли в стране смуту», Тиханович-Савицкий требовал обуздать оппозиционную печать, призывал монархистов сплотиться и еженедельно проводить общенародные собрания, разоблачая на них «происки левых», а также массово издавать «разъяснительные листки» для народа. Кроме того, правым рекомендовалось активнее бороться за снижение цен на хлеб и предметы первой необходимости и чаще заступаться за простых людей перед представителями власти. Наиболее стойких рядовых монархистов предлагалось внедрять в антиправительственные организации, «с тем, чтобы следить за революционной пропагандой вожаков их, раскрывать её членам этих обществ и поднимать свой разумный голос против вынесения революционных постановлений, дабы, если не побудит этим и других выступить против, то хотя заронить в их душу сомнения». Не ограничиваясь этим, следовало установить наблюдение за либеральными общественными деятелями, добиться разрешения на вооружение членов монархических союзов и обязать духовенство постоянно указывать в проповедях «на необходимость сосредоточить все свои помыслы на войне и на недопустимость возбуждения таких вопросов, которые могут вызвать в населении разногласия и раздоры»²⁷.

В случае, если «смута выйдет на улицу», Тиханович-Савицкий советовал сразу же объявить страну на военном положении, назначив решительного диктатора, который закрыл бы все оппозиционные столичные газеты, надёжно защитил телеграф, почту и железные дороги, занял войсками соборные площади и другие места массового скопления горожан, выдал черносотенцам оружие и при их содействии провёл аресты бунтовщиков. Сами же правые должны поднять народ и, взяв из церквей хоругви и иконы, идти с ними и царскими портретами на соборную площадь, «а там будет видно»²⁸. «Помните, Государь, — наставлял астраханский монархист Николай II 30 декабря 1916 г., — что положение опасно необычайно, не только в смысле проигрыша войны, но опасно и для Вас, и для династии. Но в то же время помните и крепко помните, что всё в Вашей власти: допустите — всё может быть; не допустите — ничего не будет. Советующие не прибегать к крутым мерам, дабы не раздражать “общественность”, не правы; полумеры только раздражают и восстанавливают. Решительная мера ударяет сильно, но с ней сразу примиряются»²⁹. Накануне революции Тиханович-Савицкий передал Н.Е. Маркову, Г.Г. Замысловскому, И.Г. Щегловитову и Н.А. Маклакову свои проекты изменения Основных законов. О возможности пересмотра их статей размышлял тогда и член РНСМА Г.А. Шечков³⁰.

Правый националист Ф.Н. Безак, состоявший киевским губернским предводителем дворянства, узнав о разговорах в высшем обществе про возможность отстранения царя от власти, просил об аудиенции у Николая II, собираясь «с полной искренностью доложить, что полумеры уже не годятся, а надо принять одно из двух решений — или согласиться на все домогательства общества и дать конституцию с ответственным перед Думой правительством, или решительными мерами подавить всё это движение». «Моё мнение, — вспоминал Безак, — решительные меры, так как ответственное министерство начало бы

²⁷ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 445–453. Подробнее см.: Михайлова Е.М. «Не Дума нужна, а диктатура, Государь»...

²⁸ Правые партии. Документы и материалы. Т. 2. С. 452.

²⁹ Там же. С. 606.

³⁰ Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914–1917 годах // Вопросы истории. 1996. № 8. С. 216–217, 220, 224.

с разных широких амнистий и не справилось бы с положением, как не справилось впоследствии Временное правительство, а потому только ускорило бы торжество тёмных сил»³¹. Однако Николай II уехал на рождественские дни в Царское Село, а в придворных кругах Безака заверили, что императору и так всё прекрасно известно и все необходимые меры уже приняты.

Но все эти далеко идущие планы разрабатывались в стране, где уже не было ни решительной власти, ни готовой брать на себя личную ответственность администрации, ни верного царю генералитета, ни сплочённых монархических союзов. «Я с ужасом смотрю на развал работы и на полную никчёмность правых организаций, которые спят и не противодействуют гибели родины, — писал в 1916 г. И.И. Дудниченко. — “Русское знамя” ведётся возмутительно, — не газета, а какой-то злобный листок..., люди бегут от такой пустоты и выписывают газеты противоположного направления»³². «Дело наше гложет, а революционное процветает..., — сетовал в начале января 1917 г. К.Н. Пасхалов, — нас, провинциалов, следовало бы будить, тормошить, побуждать к содействию на местах, а от нас презрительно отворачиваются даже тогда, когда мы предлагаем помощь, и оставляют совершенно в потёмках о том, что делается, что нужно делать и что нужно распространять»³³. В эмиграции Марков констатировал: «Монархия пала не потому, что слишком сильны были её враги, а потому, что слишком слабы были её защитники». По его словам, «падению монархии предшествовало численное и качественное оскудение монархистов, падение монархического духа, расслабление монархической воли». «Хорошим дореволюционным тоном, — отмечал он, — считалось пренебрегать и презирать монархизм; так было в обществе, так было в правительстве, так шло до самого трона... Всеобщее забвение и пренебрежение к монархическому делу разрушили великое государство Российское»³⁴. В итоге черносотенцы, так много сделавшие для подавления революции 1905—1907 гг., к февралю 1917 г. оказались абсолютно недееспособны.

К тому же, понимая неизбежность революционного взрыва, правые не ожидали, что он произойдёт уже в феврале 1917 г. «Что шумят?! — иронизировал над оппозицией в частном письме правый думский депутат священник В.И. Лентовский. — Пусть шумят. Т.е. в общем — пасмурно. Но опасаться крайностей — не след. Попытаются повторить 1905—06 гг., но и только. Меры приняты»³⁵. Октябрист Н.В. Савич вспоминал, как однажды бывший председатель правой группы Государственного совета гр. А.А. Бобринский заявил в беседе с кадетом А.И. Шингарёвым: «Знаю, что революция будет, но когда она ещё будет...». Но встретив графа 25 февраля 1917 г., Савич, к своему удивлению, услышал от него: «Вот как начинается наша революция»³⁶.

На допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Марков признавал: «Революции я не мог предвидеть и не предвидел»³⁷. Но

³¹ Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов / Сост. А.А. Иванов. М., 2008. С. 322.

³² Цит. по: *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г. ... С. 85.

³³ Там же.

³⁴ *Марков Н.Е.* Речь при открытии съезда хозяйственного восстановления России // *Марков Н.Е.* Войны тёмных сил. Статьи. 1921—1937 / Сост. М.Б. Смолин. М., 2002. С. 385.

³⁵ ГА РФ, ф. 102, оп. 265, д. 1069, л. 191 б.

³⁶ *Савич Н.В.* Воспоминания. СПб., 1993. С. 194.

³⁷ Падение царского режима: По материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Ред. П.Е. Щёголев. Т. 6. М.; Л., 1926. С. 183.

тут же он утверждал, что монархисты «ясно видели» усиление революционной деятельности, добавив: «Мы видели в ней величайшее зло и, конечно, призывали к борьбе с этим злом»³⁸. В эмиграции Марков сетовал на то, что хотя «руководящие члены Союза русского народа видели надвигающуюся с 1915 года революцию с отчётливой ясностью и об этом неумолчно, настойчиво и громко предупреждали всех, кому то ведать надлежало», министры игнорировали все их предостережения и советы. Более того, чиновники на протяжении десяти лет загоняли черносотенцев «в глубокий тыл для сбережения святыни и знамён самодержавия», и «в этом скорбном отступлении Союз русского народа растерял множество сторонников и большинство своих руководителей и из могучей, действительно грозной для врагов народной силы мало-помалу превратился в организацию пропаганды идей самодержавия и идейной борьбы с тёмными силами». Таким образом, «полки превратились в академии», которые не могли защитить царскую власть в момент её обрушения.

Но даже считая, что «правительственная бюрократия сознательно и бессознательно попустительствует революции», черносотенцы не могли позволить себе сразу же вступить в борьбу с властью, откладывая «эту необходимую и неизбежную войну» до победы над Германией. «Конечно, — писал Марков, — мы ожидали революцию, но ожидали её снизу, а не сверху, от революционной демократии и фабричных, а не от дворцовой аристократии и генерал-адъютантов, от недостаточных и обездоленных, а не от пресыщенных и с жиром взбесившихся»³⁹. Между тем русские правые традиционно были уверены в том, что задача черносотенных партий и союзов состоит лишь в содействии государственной власти, играющей ведущую роль в «крестовом походе» против революции.

Февральские события «захватили монархистов врасплох», а стремительность и массовая поддержка совершившегося переворота ошеломили и привели их в полную растерянность. Как справедливо отмечал Ю.И. Кирьянов, «в февральско-мартовские дни 1917 г. — в отличие от 1905—1906 гг. — не произошло ни одного массового выступления правых в защиту самодержавных устоев и монарха — важнейшей цели их существования и деятельности», а их партии «превратились в аморфные объединения, которые без боя сдали позиции, отстаиваемые в течение 10—12 лет»⁴⁰. Лишь три представителя правой группы Государственного совета (кн. А.А. Ширинский-Шихматов, А.Ф. Трепов и Н.А. Маклаков) 25 февраля 1917 г. явились на заседание Совета министров и настаивали на введении в охваченном беспорядками Петрограде осадного положения, но правительство на этот шаг так и не решилось. По словам Протопопова, данная мера показалась ему тогда «возможной, но нежелательной», поскольку «дальнейший нажим мог бы снести всё здание монархии»⁴¹. То же самое происходило и на местах. Когда революция докатилась до Киева, Безак заявил о необходимости сохранять верность императору и требовать присылки в город казачьих частей для наведения порядка, но столкнулся с общим сопротивлением — никто не желал «идти против народа»⁴².

³⁸ Там же. С. 196.

³⁹ Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 151—152, 395—396.

⁴⁰ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г. ... С. 79.

⁴¹ Падение царского режима... Т. 4. Л., 1925. С. 25.

⁴² Верная гвардия... С. 323.

Неудивительно, что, как выразился меньшевик Н.Н. Суханов, «чёрная сотня сгинула в подполье», не предприняв никаких контрреволюционных действий, если не считать посланных с мест телеграмм, в которых от правительства требовалось немедленно остановить беспорядки⁴³. Деморализацию лишь усилило «добровольное» отречение Николая II, не только освободившего подданных от присяги, но и призвавшего их «во что бы то ни стало» обеспечить «тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы» над Германией⁴⁴. Последовавший на следующий день отказ вел. кн. Михаила Александровича вступить в свои права до решения Учредительного собрания не давал монархистам формального повода протестовать — ведь юридически Россия всё ещё оставалась империей с законным претендентом на престол, отложившим своё восшествие на него и передавшим власть в руки Временного правительства.

При этом, в отличие от 1905 г., в 1917 г. революция разразилась под национальными, патриотическими лозунгами. Как писал в эмиграции Марков, «российское государство было загублено в 1917 году под видом нарочитого патриотизма, во имя победы, якобы для спасения России»⁴⁵. «“Правые” Шульгин и Пуришкевич оказались куда вреднее самого Милюкова, — отмечал он в одном из частных писем в 1935 г. — Ведь только им, да “патриоту” Гучкову, а не Керенскому и К° поверили все эти генералы, сделавшие успех революции»⁴⁶.

Консервативный публицист А.Д. Муретов впоследствии точно выразил затруднительное положение своих единомышленников: «если бы мы и имели надежду увлечь за собой горсть людей, было бы противно нашей совести начать идейное междоусобие в дни, когда в полном единодушии всех виделась сила России в великой борьбе с нашим врагом»⁴⁷. «Думаю, — полагал Марков, — что русские монархисты поступили так, как повелевал им долг перед отечеством: ни единым словом, ни единым действием не помешали они Временному правительству вести войну до счастливого для России конца. И если война всё же закончилась неслыханным позором и развалом, то это не была вина монархистов, это была вина тех, кто в разгаре мировой войны вовлёл русский народ в преступную и безумную революцию»⁴⁸.

К удивлению либеральных и левых политиков, угроза черносотенной реакции, которой они пугали читателей своих изданий накануне февраля 1917 г., оказалась беспочвенной. Протоиерей И.И. Восторгов, ещё 28 февраля считавший, что правым «защищаться надо», как в 1905 г., видя бездействие администрации,

⁴³ Суханов Н.Н. Записки о революции. Кн. 2. Берлин, 1922. С. 9.

⁴⁴ Отречение Николая II. Сборник. М., 1990. С. 223.

⁴⁵ По мнению Маркова, «за десять лет конституционного обмана» российское общество привыкло видеть в Думе «средоточие государственной заботливости и истинного патриотизма», «и когда это “высшее государственное учреждение”, используя тяжёлое напряжение временных военных неудач, устами прогрессивного блока объявило царя и его правительство изменниками России и врагами отечества, то этому поверили почти все, начиная с высших командиров армии и кончая последним свинопасом». Тогда, «поверив преступному вымыслу, все кинулись так или иначе в революцию, которая и пожрала Россию». В результате, «конституция и Государственная дума погубили Российскую империю» (Марков Н.Е. Войны тёмных сил. Кн. 1 // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 153).

⁴⁶ Иванов А.А., Машкевич С.В., Пученков А.С. «Царь и народ: вот формула нашего времени». О взглядах Н.Е. Маркова в 1930-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 151.

⁴⁷ Муретов А. Накануне. Пг., 1917. С. 3.

⁴⁸ Марков Н.Е. Ответ монархиста // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 372.

заговорил о солидарности с победителями⁴⁹. Лидер РНСМА В.М. Пуришкевич, заметно полежавший за время войны, появившись в Петрограде 2 марта 1917 г., сразу же поддержал Временное правительство, выступил с речами, оправдывавшими свершившийся переворот, в Государственной думе и перед несколькими полками, а затем, разъезжая по фронту, убеждал солдат и офицеров сохранять порядок и спокойно дожидаться Учредительного собрания⁵⁰. Правый депутат Г.Г. Замысловский уведомил М.В. Родзянко о том, что признаёт законность революционной власти и будет ей повиноваться⁵¹. Член правой группы Государственного совета А.А. Римский-Корсаков заявил министру-председателю Временного правительства кн. Г.Е. Львову о готовности служить новому строю⁵². Бывший член фракции правых IV Государственной думы священник С.А. Попов с крестом в руках благословлял революционные войска⁵³.

Б.А. Энгельгардт позднее вспоминал, как в один из первых дней марта А.Ф. Керенский, набиравший всё большую популярность, зашёл в кабинет председателя Государственной думы, где собрались оставшиеся не у дел депутаты, принадлежавшие преимущественно к правому крылу, т.е. все те, кто ещё недавно встречали его не иначе как насмешками, а иногда шиканьем и свистом. Керенский произнёс короткую, воодушевленную до истерики речь, вызвавшую гром аплодисментов. Среди прочих «с ожесточением колотил ладонью о ладонь» товарищ председателя фракции независимых правых А.А. Радкевич, смущённо ответивший на вопрос удивлённого Энгельгардта, неужели он аплодирует «самому Керенскому»: «Да, но знаешь, сейчас Керенский на высоте положения»⁵⁴.

Растерявшись в водовороте событий, часть правых цеплялась за Керенского, как за якорь спасения, другие стали присматриваться к кадетам, которых ранее так ненавидели, а то и к социал-демократам. Так, председатель Русского монархического союза С.А. Кельцев провозгласил после ареста, что присоединяется «к партии народной свободы» и «даже примыкает к с-д “меньшевикам”»⁵⁵. Позже, оправдываясь, монархисты писали о «помрачении умов» весной 1917 г. «Всё жило в каком-то угаре, — говорилось в редактируемом Марковым эмигрантском журнале “Двуглавый орёл”, — вчерашние консерваторы кричали о демократической республике, люди порядка и закона восторжались Родзянко, Гучковым, Милюковым, Терещенкой и прочими убийцами России. Боевые генералы восторженно “ели глазами” жалкого главковерха, истерика Керенского и, казалось, всерьёз ожидали, что фонтанами красноречия ему удастся победить стальную силу германских штыков. Монархисты молчали»⁵⁶.

Многие правые стали покидать организации, оставаться в которых после крушения самодержавия стало бесперспективно, невыгодно и небезопасно. В первые же дни революции здание Главного совета СРН, располагавшееся в Басковом переулке, сожгла революционно настроенная толпа. В ночь на

⁴⁹ *Чхартшвили П.Ш.* Указ. соч. С. 134.

⁵⁰ Солдатское слово. 1917. 4 марта; *Иоффе Г.З.* Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 69.

⁵¹ Новое время. 1917. 10(23) марта; *Чхартшвили П.Ш.* Указ. соч. С. 134.

⁵² *Чхартшвили П.Ш.* Указ. соч. С. 134.

⁵³ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля – 3 марта 1917 года. Изд. 2. СПб., 2005. С. 279.

⁵⁴ ОР РНБ, ф. 1052, оп. 1, д. 23, л. 57; д. 32, л. 12; ОР РГБ, ф. 218, карт. 306, д. 3, л. 109.

⁵⁵ *Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России накануне и в февральско-мартовские дни 1917 г. ... С. 88.

⁵⁶ Двуглавый орёл (Берлин). 1920. № 1. 14(27) сентября. С. 3; *Иоффе Г.З.* Указ. соч. С. 60–61.

2 марта было разгромлено помещение гимназии Русского собрания (находившееся в том же здании, что и само собрание, в Кузнечном переулке)⁵⁷. А вскоре начались репрессии: в Петрограде закрыли все правые газеты (нелегально продолжала выходить лишь ультраправая «Гроза»), монархические партии фактически оказались под запретом, были арестованы или привлечены к дознанию А.И. Дубровин, Г.Г. Замысловский, Л.Т. Злотников, С.А. Кельцев, Н.А. Маклаков, Н.Е. Марков, В.Г. Орлов, Е.А. Полубояринова, В.П. Соколов, Н.Н. Тиханович-Савицкий, А.Н. Хвостов, И.Г. Щегловитов, Н.М. Юскевич-Красковский и др. Пресса сообщала о череде арестов лидеров монархистов в провинции. Марков утверждал, что в родном Курске его хотят застрелить. В Житомире за «погромную агитацию» задержали бывшего члена думской фракции правых В.И. Мельникова⁵⁸, а в Курске преследованиям подвергся секретарь фракции правых священник А.Д. Мешковский, которому пришлось бежать в Москву⁵⁹. В мае 1917 г. односельчане схватили правого депутата И.Е. Пулина, отказавшегося передать им часть своей земли (освободили его только по личной телеграмме Родзянко). В показаниях Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Марков констатировал: «Мы все уничтожены, мы фактически разгромлены, отделы наши сожжены, а руководители, которые не арестованы, в том числе и я, пока не арестован, — мы скрываемся»⁶⁰.

В особом положении оказались лишь примкнувший ещё в 1915 г. к Прогрессивному блоку бывший правый, а затем националист В.В. Шульгин и В.М. Пуришкевич, также переметнувшийся на сторону либеральной оппозиции незадолго до революции⁶¹. Шульгин, как известно, 27 февраля 1917 г. стал членом Временного комитета Государственной думы, 2 марта вместе с Гучковым принимал отречение Николая II, а 3 марта участвовал в переговорах с вел. кн. Михаилом Александровичем. Пуришкевич даже отправил Керенскому письмо, предлагая «трудовую руку» для общей работы на фронте, ему хотелось получить руководство всей санитарной частью армии (без включения в состав Временного правительства), но ответа он не дождался⁶².

Весной 1917 г. Пуришкевич не отделял себя от революции и высказывался весьма либерально. «Мы, — заявлял Владимир Митрофанович, — произвели тот переворот, который дал первые лучи свободы, заблестевшей 27 февраля»⁶³. «Из нашей (дворянской. — А.И.) среды, — напоминал он, — вышли благородные глашатаи действительной русской свободы — славная плеяда декабристов..., и мы, сейчас, в том законодательном учреждении России, которое признавалось вами очагом застоя и рутины, подняли первые действительное знамя свободы, став её первыми глашатаями во имя любви к своему народу, угнетённому бесправием и самовластием полицейско-бюрократических сил, толкавших

⁵⁷ Николаев А.Б. Указ. соч. С. 407–408.

⁵⁸ Чхартишвили П.Ш. Указ. соч. С. 138.

⁵⁹ Курский край. 1917. 11–12 апреля.

⁶⁰ Падение царского режима... Т. 6. С. 191.

⁶¹ Подробную биографию В.М. Пуришкевича после 1917 г. см.: Иванов А.А. Владимир Пуришкевич: опыт биографии правого политика (1870–1920). М.; СПб., 2011. С. 303–398.

⁶² Энгельгардт Н.А. Эпизоды моей жизни (Воспоминания) / Публ. С.В. Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. Т. 24. СПб., 1998. С. 61; «27-го февраля мы могли стать гражданами...». Тюремные записи В.М. Пуришкевича. Декабрь 1917 – март 1918 г. / Публ. И.С. Розенталя // Исторический архив. 1996. № 5–6. С. 130.

⁶³ Буржуазия и помещики в 1917 г. Частные совещания членов Государственной думы / Под ред. А.К. Дрезена. М.; Л., 1932. С. 127.

Россию на антинациональные пути в последние годы царствования императора Николая II — Слабовольного»⁶⁴. Недавний черносотенец и поборник патриархальных начал, горячо отстаивавший их с думской трибуны, призвал теперь «лучших русских людей» «поднимать выше священное знамя гражданской свободы, свободы западного образца». «Забитой и загнанной русской буржуазии» он советовал скорее встать на защиту завоеваний революции и не дать безответственным силам «замутить великой демократической реки нам предстоящих реформ грязью анархии»⁶⁵. Более того, Пуришкевич поспешил перефразировать триаду «православие, самодержавие, народность», сочинив довольно неуклюжую, но соответствовавшую духу времени формулу: «Родина. Отечество. Свободная Россия»⁶⁶.

Но не все правые лидеры в революционные дни изменили своим убеждениям. Марков, выслеженный и схваченный на территории Финляндии, вёл себя на допросах Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства спокойно, уверенно и даже вызывающе. Редактор стенографических отчётов комиссии А.А. Блок так описывал эту сцену: «Щипля бороду и глядя усы, Марков скалит белые зубы. Он говорит всё тоном, вплотную подходящим к нахальному... Родичев злобно смеётся, смотря на Маркова. Такой атмосферы ещё не было»⁶⁷. По оценке Блока, это был «очень умный и очень сильный затравленный человек, с хитрецей и с тактом, который позволял ему всё время держаться вызывающе, у предела наглости, и высказывать много горьких замечаний, среди которых были и “истины”»⁶⁸. Рассказывая о деятельности СРН, об отношении правых к террору и политическим убийствам, о Государственной думе, правительственных субсидиях и противодействии революции, Марков не заискивал перед следователями, не сожалел о своей деятельности, на вопросы отвечал твёрдо, по-деловому, спорил, отстаивая свою точку зрения, никого не оговаривал и наотрез отказался называть следствию имена единомышленников, дабы не подвергать их опасности. Впрочем, уверенности ему придавало то, что, в отличие от других вождей правых, арестованных новыми властями, он, являясь депутатом Думы, продолжал пользоваться неприкосновенностью и допрашивался не как обвиняемый, а в качестве свидетеля «преступлений старого режима»⁶⁹.

Лишь к концу весны — началу лета 1917 г. правые несколько оправились от постигшего их краха и начали критиковать политику Временного правительства, стремительно терявшего популярность. Шульгин, понимавший, что ему «от этой революции не отречься», стал выступать против отмены смертной казни, выборных комитетов, автономии Украины и требовал от министров

⁶⁴ Там же. С. 21, 34.

⁶⁵ Там же. С. 17–18.

⁶⁶ Там же. С. 36.

⁶⁷ Цит. по: *Фомин С.В.* Наказание правдой. М., 2007. С. 397.

⁶⁸ *Бекетова М.А.* Воспоминания об Александре Блоке. М., 1990. С. 169–170. О спокойствии и невозмутимости Маркова свидетельствует и стенограмма допроса. См.: Падение царского режима... Т. 6. С. 175–205.

⁶⁹ Подробнее о судьбе и деятельности Маркова в 1917 г. см.: *Иванов А.А.* «Отречённые дни Февральской революции» в судьбе и восприятии Н.Е. Маркова // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2013. С. 15–24; *Иванов А.А.* «На костях ужасного разгрома». Деятельность лидера правых Н.Е. Маркова во второй половине 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2015. С. 187–195.

Временного правительства сильной власти. Пуришкевич также заговорил о необходимости ужесточения дисциплины в армии, введения смертной казни и установления военной диктатуры для борьбы с большевистской угрозой. «В дни революции, — поучал он, — нельзя быть Антонием, нужно быть Цезарем, а когда народ обращается в толпу Спартака, долг власти стать Крассом»⁷⁰.

На базе «Общества русской государственной карты», образованного ещё до революции, а затем расширенного за счёт офицеров, он создал организацию, целью которой первоначально ставилось «наведение порядка в стране». Когда же Россия была провозглашена республикой, Пуришкевич задумался о возможности перехвата власти у Временного правительства, не исключая и последующего восстановления монархии. Тем временем вся эта конспирация не осталась незамеченной, и в дни корниловского выступления он оказался в «Крестах», откуда вышел только 20 сентября: обвинить в чём-либо его было трудно — от Корнилова он сразу отмежевался, противозаконных действий за ним не числилось. Наладив издание газеты «Народный трибун», Пуришкевич тут же с жёсткой критикой обрушился на власть, обличая и высмеивая её в заметках, стихах, пословицах и поговорках. 18 октября 1917 г. он опубликовал крайне резкое стихотворение «Довольно», призвав «сместить» Директорию и поднять национальный флаг из «керенской пыли»⁷¹.

Включился в борьбу и Марков. По его словам, весной «даже и помыслить было нельзя о начинании гражданской войны. Эти месяцы ушли на восстановление порванных связей, отыскание уцелевших и не потерявших духа людей, на выяснение дальнейших способов действий. Это было время тайного сбора “на костях” ужасного разгрома»⁷². Но уже к лету 1917 г. им была создана в Петрограде подпольная монархическая организация, целью которой являлось спасение царской семьи. В неё входили В.П. Соколов, Н.Д. Тальберг, правые депутаты Государственной думы Г.Г. Замысловский, Г.М. Дерюгин, Н.Н. Лавриновский, А.П. Горсткин, гвардейские офицеры. Проживая на одной из дач в районе посёлка Куоккала (Репино), Николай Евгеньевич часто инкогнито бывал в Петрограде, «меняя фамилии и наружность, по временам уезжая в Москву»⁷³. Конспиративная квартира располагалась на Невском проспекте в одной из коммерческих контор, «где под видом купли и продажи и заключения сделок собирались нужные лица и где Марков 2-ой принимал по делам организации»⁷⁴. Там велась тайная мобилизация «всех сочувствующих восстановлению монархии и верных присяге людей» и даже действовал военный отдел, вербовавший офицеров в надежде на то, что при благоприятных обстоятельствах удастся совершить в Петрограде переворот, освободить царскую семью и вернуть престол Николаю II или цесаревичу Алексею⁷⁵. Впрочем, восстановить силы и добиться хоть какого-то успеха правым не удалось. Этому помешало отсутствие сколько-нибудь значимой поддержки в обществе, острая нехватка людей и денег, а также последовавший вскоре захват власти большевиками.

⁷⁰ Пуришкевич В.М. Вперёд! Под двухцветным флагом. Пг., 1917. С. 34.

⁷¹ Пуришкевич В.М. Долой // Народный трибун. 1917. 18 октября.

⁷² Марков Н.Е. Попытки спасения Царской Семьи // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 396.

⁷³ Марков Н.Е. Ловцы правды // Там же. С. 405.

⁷⁴ Марков С. Покинутая царская семья. Царское село—Тобольск—Екатеринбург. 1917—1918. Вена, 1928. С. 176.

⁷⁵ Там же.

В диктатуре левых радикалов монархисты увидели закономерное следствие февральской победы либералов и умеренных социалистов. Ещё в 1912 г. Марков предупреждал думскую оппозицию, что массы пойдут либо с правыми, либо с левыми, но не с кадетами и октябристами, «ничего общего с народом не имеющими»⁷⁶. Когда осенью 1917 г. это предсказание исполнилось, часть правых с сочувствием отнеслась к ликвидации Временного правительства⁷⁷.

Издатель «Грозы» Н.Н. Жеденов 5 ноября утверждал в передовице, что «порядок в Петрограде за 8 дней правления большевиков прекрасный: ни грабежей, ни насилий». Более того, антисемитская «Гроза» заверяла читателей, что «большевики имеют врагов в лице жидовского кагала, предателей и изменников из помещиков, генералов, купцов и чиновников», а «в войске против них лишь солдаты, проникшие в комитеты и заразившиеся властью»⁷⁸. Во время выборов в Учредительное собрание бывший товарищ председателя СРН академик А.И. Соболевский сообщал другому видному черносотенцу приват-доценту Б.В. Никольскому: «Я голосую за список большевиков (они теперь моя пассия), веду за собой сестру и братьев и убеждаю знакомых»⁷⁹. Свой довольно странный для убеждённого монархиста выбор Соболевский объяснял тем, что его «теперешние любимцы» большевики «уж больно здорово... расправляются с либеральной слякотью»⁸⁰.

Никольский, первоначально рассматривавший большевистский переворот как авантюру, весной 1918 г. будет сотрудничать со Всеобучем и доказывать в частном письме, что ленинцы не хуже «кадетов, эсеров, октябристов, Штурмеров и Протопоповых», Россией же правят не они, а «карающий Бог и беспощадная история, какие бы черви ни заводились в её зияющих ранах»⁸¹. Оставаясь противником большевиков, Никольский признавался, что не питает к ним злобы, поскольку «это единственные политически честные люди за всё время революции»⁸². По мнению Никольского, хотя они и занялись «разрушением России», но вместе с тем, являясь «орудием исторической неизбежности», «вопреки своей воле и мысли», выполняют «всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе», и довольно скоро «среди смердящих и дымящихся пожарищ» им придётся восстанавливать страну «с таким нечеловеческим напряжением, которого не выдержать было бы никому из прежних деятелей»⁸³. «Вы знаете, до какой степени я не большевик и даже не социалист, — писал Никольский Б.А. Садовскому, — но я, увы, много учился, много думал, и совесть и правда мне дороже всего. Заслуг у вождей нашего большевизма нет, как нет заслуг у бомбы, которая взрывает, как нет заслуги у рычага, который опрокидывает, у тарана, который проламывает: заслуга (или преступление) в той разумной воле, которая ими движет (когда такая воля есть); но они стихийные, неуправляемые и верные исполнители исторической неизбежности. Делать то, что они делают, я по совести не могу и не стану... но

⁷⁶ Государственная дума. Стенографический отчёт. Созыв IV. Сессия I. СПб., 1912. Стб. 527.

⁷⁷ См.: Иванов А.А., Стогов Д.И. Указ. соч.

⁷⁸ Цит. по: Стогов Д.И. Право-консервативная печать и события июля—октября 1917 г. // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2010. С. 116—117.

⁷⁹ Цит. по: Степанов А. Соболевский А.И. // Чёрная сотня. Историческая энциклопедия. 1900—1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов. М., 2008. С. 494.

⁸⁰ Степанов С.А. Чёрная сотня. Изд. 2. С. 462.

⁸¹ Цит. по: Иванов А.А., Стогов Д.И. Указ. соч. С. 91—92.

⁸² Там же. С. 91.

⁸³ Монархист и Советы. Письма Б.В. Никольского к Б.А. Садовскому 1913—1918 / Публ. С.В. Шумихина // Звенья. М.; СПб., 1992. С. 371—372.

я не иду и не пойду против них: они исполнители воли Божией и правят Россией если не Божией милостию, то Божиим гневом и попущением»⁸⁴. Такой же позиции придерживался и Дубровин. «Я как человек религиозный, прежде всего, — говорил он на следствии, — все свои взгляды объясняю на указаниях Евангелия: “Всякая душа властям придержащим да повинуется, несть бо власти, аще не от Бога”»⁸⁵.

Постепенно часть правых стала склоняться к мысли, что большевики, борясь за свои идеалы, одновременно наводят порядок, укрепляют государственность и, по сути, не провозглашая этого, собирают «великую, единую и неделимую» Россию. Так, Шульгин, убеждённый противник большевиков, со временем признал, что «хотя и бессознательно, они льют кровь только для того, чтобы восстановить “Богохранимую Державу Российскую”... Они своими красными армиями (сделанными “по-белому”) движутся во все стороны только до тех пор, пока не дойдут до твёрдых пределов, где начинается крепкое сопротивление других государственных организмов... Это и будут естественные границы Будущей России»⁸⁶.

Другим казалось уже, что «чем хуже — тем лучше». Бывший член РНСМА полковник Ф.В. Винберг писал в дневнике, что из двух зол — эсеров и большевиков — он предпочитает последних как «более сильную, более действенную, а потому и отколовшуюся от остальных социалистов группу: доводя до крайних пределов проведения в жизнь своих утопических теорий, большевики, пожалуй, подрывают все основы и всю популярность своей доктрины лучше, чем мог бы это сделать злейший и сильнейший враг социализма». Таким образом, полагал Винберг, временное торжество самой радикальной левой партии, чуждой какого-либо заигрывания с либерализмом, приведёт к тому, что после краха советской власти «социализм потеряет своё обаяние и значение среди народных масс не только в России, но и во всём мире»⁸⁷.

Марков ещё с июля 1917 г. рассчитывал «использовать большевиков в том смысле, чтобы дать им возможность свергнуть Вр[ременное] правительство, а потом придушить их самих». «Во всяком случае, — утверждал С.В. Марков, — среди большевиков М[арков] 2-й имеет большое количество своих приверженцев, умышленно пошедших на службу к ним, и стремится к тому, чтобы во всех учреждениях и во всех партийных и внепартийных организациях иметь побольше своих надёжных людей, дабы быть всё время в курсе общего положения дел из первых источников»⁸⁸. Конечно, нельзя не усомниться в большом количестве приверженцев Маркова в РКП(б), но наличие той или иной его агентуры подтверждают показания В.П. Соколова (в прошлом — товарища председателя Главного совета СРН), сообщавшего в 1921 г., что фотографические снимки некоторых нужных для тайной монархической организации документов её

⁸⁴ Там же. С. 372–373. В 1930-е гг. корреспондент Б.В. Никольского писатель-монархист Б.А. Садовский запишет в дневнике: «Всякий честный монархист должен сознаться, что большевики всё же лучше президента Милюкова или императора Кирилла» (Цит. по: *Репников А.В.* Консервативные концепции... С. 446).

⁸⁵ Следственное дело доктора Дубровина / Публ. В.Г. Макарова // Архив еврейской истории. Т. 1. М., 2004. С. 301.

⁸⁶ Шульгин В.В. Дни. 1920. М., 1989. С. 527–528.

⁸⁷ Винберг Ф.В. В плену у «обезьян» (Записки «контрреволюционера») // Верная гвардия... С. 101.

⁸⁸ Марков С. Указ. соч. С. 176.

руководство получало «через своих людей, служивших от нас в большевистских учреждениях»⁸⁹.

Однако среди правых было немало и тех, кто воспринимал большевизм сугубо отрицательно и призывал к борьбе с ним. Член Главной палаты РНСМА и Русского собрания Г.А. Шечков резко осуждал советскую власть, опирающуюся на самые низменные человеческие свойства: эгоизм, жадность, вероломство, разврат, жестокость. Если не одолеть большевизм, предостерегал Шечков, «то Россия останется без Церкви, без национальной интеллигенции, без традиций и обратится в страну измученных, голодных, обнищавших рабов, готовых за краюшку заплесневелого хлеба работать физически на кого угодно, кто только обеспечит им кое-какую безопасность и относительное спокойствие»⁹⁰.

Пуришкевич, одним из первых указавший на исходящую от большевиков угрозу⁹¹, сразу же после октябрьского переворота со свойственной ему энергией включился в борьбу с ними и уже 4 ноября звал атамана А.М. Каледина скинуть с Петрограда «большевистское ярмо» и «публичными расстрелами и виселицей» очистить столицу от захвативших её «преступников и черни»⁹². Выступая в начале 1918 г. перед революционным трибуналом, Владимир Митрофанович, ещё не избавившийся от усвоенной им весной 1917 г. риторики, обвинял большевиков в контрреволюционности: «Теперь, когда партия большевиков захватила власть, — Россия стала распинаться ими, и начался великий распад. Стали отделяться Украина, Дон, Финляндия, за ними объявляют свою независимость чуть не каждая область — вся Россия, не признавая власти большевиков, раскалывается, уходит от них. Что же это? Все они заговорщики против вас, ничтожного меньшинства? Заговорщики — вы. Контрреволюционеры — вы, ибо в тюрьмы сажают всех истинных защитников революции»⁹³. Оказавшись в ходе Гражданской войны на юге, Пуришкевич будет разъяснять вождям Белого движения, что, борясь исключительно с большевиками, они сражаются лишь с последствиями, а не с причинами — либерализмом и ослаблением православной веры и монархического чувства в народе. Признавая твёрдость советской власти и «волевой импульс её проводников», Пуришкевич ничего позитивного в этом не усматривал, поскольку для него большевики всегда оставались узурпаторами и насильниками, заливавшими «реками русской народ[ной] крови родные поля в братоубийственной распре». Главной же их целью, по его мнению, являлось «растление христианских народов мира в интересах иудаизма»⁹⁴.

В целом же правые вовсе не отводили большевикам решающей роли в революции. Гораздо чаще черносотенцы рассматривали их как орудие немцев, еврейства, тайных масонских центров и т.п. «Проклятие и позор большевикам,

⁸⁹ Н.А. Соколов. Предварительное следствие 1919–1922 гг. / Сост. Л.А. Лыкова. Т. 8. М., 1998. С. 302.

⁹⁰ Цит. по: Воспоминания товарища обер-прокурора Св. Синода кн. Н.Д. Жевахова. СПб., 2007. С. 579–580.

⁹¹ См., например: *Пуришкевич В.М.* Без забрала: открытое письмо большевикам Совета петроградских рабочих депутатов. Пг., 1917.

⁹² Заговор монархической организации В.М. Пуришкевича // Красный архив. 1928. Т. 1(26). С. 171.

⁹³ Новая жизнь. 1918. 5(18) января.

⁹⁴ *Пуришкевич В.М.* Монархия или Республика? Издание Главного Совета Всероссийской Народно-Государственной Партии. Ростов н/Д, 1919. Вступление; «27-го февраля мы могли стать гражданами...». С. 122.

на немецкие и жидовские деньги торгующим Россией оптом и в розницу, — негодвал Винберг. — Но первое и сугубое проклятие, несмываемый позор нам, всем без меры преступным русским людям, нанесшим первые удары, поведшие к развалу и гибели родной страны»⁹⁵. «Считая их всех, и большевиков, и эсеров, и кадет, виновными в развале и гибели России, меня несказанно бесит, — признавался он, — это непонимание своей тяжёлой вины и самообольщение партий, стоящих правее большевиков. К нашему национальному позору все вы руки приложили, государи мои, одни по незнанию и неумению, другие по глупости и злобности, третьи по пристрастью к немецким подкупам, четвёртые по дикости и невежеству — все виноваты общей вашей круговой порукой и партийной косностью»⁹⁶.

Когда Винберг размышлял о судьбе страны, его явно переполняли эмоции: «Мне противно и мерзко читать и слышать теперь слезливые жалобы этих преступных партий, сетующих на то, что не сумели удержать, выпустили из своих рук своё злое дело, и решающихся взывать к таким святым словам, как Родина, национальность, между тем как сами же они одухотворяющую силу этих слов систематически разрушали. И как смеют они теперь, все, сколько их не есть, участники пресловутого “освободительного движения”, сваливать всю вину на большевиков..., когда сами же виноваты во всей катастрофе, когда сами же они подготовили возможность для большевиков стать у власти... Напрасно только все эти господа “освободители”, начиная с Родзянко и Милюкова и кончая Савинковым и селянским Черновым, стараются на большевиков свалить вину за то, что хвалёная их революция оказалась охваченным пожаром публичным домом. Большевики в своём роде также хороши, но это — особая статья. Но в развале России и в гнусных формах, принятых революцией, они нисколько не больше виноваты, чем все их предшественники. В самой же революции виновато, разумеется, всё гнилое и безнравственное русское общество, все русские люди»⁹⁷. Схожих взглядов придерживался и Муретов. «Винят “большевиков” с их “безответственной агитацией”, — отмечал публицист. — Но узколобые изверги бывали во все времена и у всех народов. Винить большевиков — всё равно, что винить холерного эмбриона. Разве его вина, что он создан бациллою?»⁹⁸.

Разгон Учредительного собрания черносотенцы восприняли с явным удовлетворением. Марков с едким сарказмом описывал жалкий конец «Учредилки», «когда по приказу шустрого иудея Урицкого пьяный матрос Желязняков вошёл в зал торжественного заседания Учредительного собрания и, хлопнув по плечу председателя собрания — великого селянина Чернова, заявил, что ему, Желязнякову, и его матросам надоела эта болтовня и что Учредительному собранию приказано зашабашить». Николай Евгеньевич, отказавшийся примириться с советской властью и объявивший ей войну, признавал при этом, что «если говорить правду, то в большинстве своём народ сочувствовал матросу Желязнякову». По словам черносотенца, «для простонародья (значит для большинства) социалисты-большевики были желаннее всех, ибо всё то, что социалисты отдельных мастей обещали давать лишь в постепенности и в соразмерности

⁹⁵ Винберг Ф.В. Указ. соч. С. 108.

⁹⁶ Там же. С. 121.

⁹⁷ Там же. С. 107, 275.

⁹⁸ Муретов А. Указ. соч. С. 5.

с остатками здравого смысла, социалисты-большевики выбрасывали сразу же и без всякой соразмерности»⁹⁹.

Характерно, что подавляющее большинство активных деятелей правых партий, не испытывая никаких симпатий к большевистской власти, тем не менее уклонились от вооружённого противостояния ей. Лишь единицы из них приняли участие в Белом движении, да и то, как правило, находились в правой оппозиции генералитету (как Марков и Пуришкевич). Были и те, кто примкнул к красным, как, например, член совета Русского собрания военный инженер К.И. Величко, поступивший на службу в РККА, которую счёл единственной в стране организованной силой, обороняющей Россию от немцев, или бывший хозяин правого салона кн. М.М. Андроников, сотрудничавший, по некоторым сведениям, с кронштадтской ЧК¹⁰⁰. В отличие от либералов и социалистов, процент эмигрировавших правых был невелик – большинство их осталось в России. Почти все они погибли в период «красного террора» или в 1930-е гг.

⁹⁹ Марков Н.Е. Учредительное собрание // Марков Н.Е. Войны тёмных сил... С. 374.

¹⁰⁰ Стогов Д.И. Князь М.М. Андроников и революционные события 1917 года // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. Сборник научных статей / Сост. А.Б. Николаев. СПб., 2014. С. 227–229.

Комиссариат Временного правительства над бывшим Министерством двора

Пётр Гордеев

The Commissariat of the Provisional Government over the former Ministry of the Court

Petr Gordeev (Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg)

История Министерства императорского двора и уделов Российской империи (далее – МИДв) в постсоветские годы пристально изучалась исследователями, однако в ней остаётся ещё немало «белых пятен». Эти пробелы до сих пор не позволяли составить целостное представление о том, что же произошло с громоздкой структурой МИДв в 1917 г., хотя отдельные сюжеты (например, попытка создания «Министерства искусств») хорошо изучены. В историографии утвердилось лишь представление об упразднении МИДв после Февральской революции¹.

После падения монархии положение придворного ведомства оказалось, по понятным причинам, особенно уязвимым. В начале марта 1917 г. в печати

© 2017 г. П.Н. Гордеев

¹ Шенелёв Л.Е. Титулы, мундиры и ордена Российской империи. М., 2004. С. 381; Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802–1917. СПб., 2008. С. 568.